

# СРЕБРОЛЮБЕЦ

---

*повесть*

Роман Попов

# I

В обычном сибирском городе, на непримечательной улице, жил человек лет сорока. Роста он был непримечательного, да и вообще единственное примечательное в нём были глаза — какие-то ясные, серые, очень живые, — и лицо доброе. В общем, был он добрый человек. Работал на обычной работе с обычной зарплатой, проектировщиком. И надо было ему в одну августовскую ночь лететь в командировку.

А город этот, Южноморск, был очень даже примечателен тем, что находился на морском побережье, и возле его отеля стоял удивительный лес. Кстати, отель был тоже тщательно им выбран: рядом с ним находился какой-то интересный заброшенный монастырь в довольно обветшалом состоянии. Но главное было море — и было оно рядом. Однако прежде, чем на это море попасть, нужно было сходить на совет проектировщиков и архитекторов, что и входило в состав его командировки.

Всё это было бы довольно радостно, если бы не эти проклятые шестьдесят тысяч, которые необходимо было уплатить для погашения ипотеки. Деньги эти закрепощали всю их семью; это был своеобразный выкупной платёж, который они должны были выплатить помещику за пользование землёй, а самим оставалось меньше половины. И вот Андрей Владимирович Никифоров и отправился в этот город — как в единственную возможность отдохнуть у моря.

Он глубоко сожалел о невозможности отправить туда жену и детей, которых было довольно много.

Жена складывала ему чемодан. Упаковав всё, она заявила:

— Завтра ведь затмение, я тут по телевизору смотрела.

— И чего оно мне? Я же не астроном.

— Да вот я даже не знаю, как оно на людей влияет.

— Да хорошо влияет, — уверенно отвечал Андрей.

— Человек хороший — хорошо влияет, плохой — плохо. Ты главное на пустяки не обращай внимания. Знаешь, и у хорошего человека в любой день может затмение случиться, и в любое затмение — хороший день.

Тут жена его не стала спорить. Она знала, что Андрей какое-нибудь слово да найдёт объяснить. Андрей хоть и ни во что особо потустороннее не верил, но был человеком духовным. Такая же была и жена, но, в отличие от него, Анна Владимировна верила и в затмения, и в гороскопы, и в прочее, и прочее.

И вот шёл обычный день в их квартире: в зале работал телевизор, в комнате играли дети. Было очень многолюдно в семье из пяти человек, но одновременно с этим Андрею было очень тяжело. Аванс потрачен, деньги в срок не уплачены, кабала... На экране все смеялись и хохотали, Лариса Гузеева опять придумала новую шутку, Роза Сябитова присмотрела очередного жениха, — а у него на душе шли не комедии и не мультики, а маленькие трагедии Александра Сергеевича, поставленные на репит.

— Да брось ты всё, — вдруг сказала жена. — Чего ты грузишься? Я в конце концов работу найду. Ты главное не переживай, езжай в командировку, там с кем-нибудь поговори по душам — авось и дадут побольше.

Анна была женщина, верящая в чудо, и сказала это с настоящей надеждой.

— А может, действительно чёрт с этими деньгами. Да выплатим мы всё.

Это он сказал спокойно и подумал: а почему же я тут в миноре? Ведь действительно, уже завтра я побухчу с этими гипами и гапами, а потом буду плавать в этой солёной, пенистой, как абрау-дюрсо, воде. Ну и идут эти деньги лесом — впрочем, как и я! Ведь можно пройтись этим южным влажным лесом и подышать духотой югов! На душе его что-то расплавилось.

Всех уложили спать.

## II

— Андрюша, вставай! — разбудила его жена. Пять пятьдесят.

Он почувствовал себя довольно бодро, потому что вставать надо было не на работу, а, по сути, на отдых.

И вот, выпив кофе с каким-то завтраком (всех блюд не вспомнишь), он отправился в аэропорт на такси.

— Папа, привези мне золотую рыбку! — закричала дочка.

— Привези мне камешки с берега! — сказал сын.

— Только пусть папа не привозит ту вредную старуху, которая многого хотела и транжирила золотую рыбку, — сказала Анна.

— Да я с ней живу, — пошутил Андрей, но увидел, что жена уже показала ему кулак.

Тогда, распрощавшись со всеми, он запрыгнул в жёлтую карету такси с кучером из Средней Азии и унёсся.

И вот он, будучи в аэропорту, всё сидел и разглядывал: то какие-то балки, то всякие блоки, то как ездит лифт, — всё было ему профессионально интересно.

Сидел он довольно долго и, стоит признать, чуть не потерял бодрость духа. Но сел в самолёт.

И там почувствовал это предполётное ощущение шевеления и шуршания: все мешкались, переговаривались. Но скоро центрифуга запустилась и взмыла ввысь, понеслись леса и горы в окошке. И стоит отметить, что Андрей вылетал в дождливую погоду и почувствовал в этот момент аромат

сибирской тайги и шум этих сосен. Дождливые капли стекали по иллюминатору, но вот небо очистилось и стало ясно-голубым. Только тучки с краёв. Всё так торжественно. И у меня бы в этот момент звенели в голове вальсы Штрауса — потому что такого величия нет нигде: чтобы сразу с земли до ясных небесных чертогов.

А Андрей? Его плотно накормили из маленькой коробочки, и теперь не отвлекайте: спит человек, почти в пять утра встал. Но в самолёте пилот постоянно включал табло «пристегните ремни» — турбулентность-с, — и вот включил в последний раз. Отчего Андрей и проснулся.

Начали снижаться в залитую солнцем гавань. Это был малахит, окаймлённый топазом вод. Из окошка можно было увидеть поля, кипарисовые рощи, юг.

И вот эта дверь, разделяющая дом и другую землю, открылась, и всё озарилось жарой, влажной. И воздухом асфальта. Этот аромат бесподобен для людей севера. Обычно его замечают в тропических странах, но на нашем юге он тоже заметен. И вот уже другая повозка такси отправила его в отель.

### III

Оглядев свой довольно чистый номер, он решил взглянуть в окно.

«Как и обещали — море и обломки монастыря, — думал Андрей. — А отчего он такой старый весь, покосившийся? Господи, как до сих пор стоит ещё? Культурное наследие же ведь. Но море зато какое, и лес этот рядом, и везде...»

Он решил отдохнуть несколько часов в номере: вечером его ждала встреча.

Проснулся он уже в обеденное время; нужно было идти. Надев свой чёрный костюм с синей рубашкой, он пошёл по улицам города. Определив адрес места назначения, он понял, что живёт довольно далеко от него: кафе «Верди» находилось примерно в десяти километрах, в центре. Он вызвал такси и отправился напрямиком.

Выехав из своей достаточно негородской части, он направился к другому берегу моря, и там его встречали екатерининские постройки классицизма; в центре очень красиво разрастались каштаны, по улицам гуляли толпы людей, было много и в строгих костюмах. Один шагал в чёрном пиджаке, довольно жарком для здешней погоды. Виднелся ресторан «Якорь», в котором официант в жилетке разносил дорогие блюда. А ресторан «Верди» располагался у самого берега моря и представлял собой стеклянный блок с панорамными окнами.

Тут, расплатившись с водителем, он вошёл в залу. Всё было устлано красивыми коврами, по всем

этажам бегали официанты (гостей было особенно много в вечернее время), и всё это представляло огромную лестницу, по которой люди бегали туда и назад. Кто-то сидел у окна с видом на море, держа в руке бокал с вином. Была и веранда на крыше, где ценник был ещё выше. От такого дорогого заведения, которое Андрей мог себе позволить только в командировках, у него от восхищения иногда терялась речь; он предвосхищал будущий ужин.

От этой беготни и духоты его спас официант, который в белом фартуке подбежал к нему и сказал:

— Пройдёмте, вас уже ждут.

Его ввели в укромную комнату, где было довольно свежо; подле окна стоял огромный стол, где сидели, кроме него, ещё двенадцать человек.

— Наконец-то пришёл наш тринадцатый! — сказал ему кто-то довольно развязным громким голосом.

Его встречал кудрявый человек с волчьими глазами. Эти глаза можно было воспринять как презирующие или высокомерные. Они смотрели безжизненно и как-то бездушно.

Этот человек довольно маленького роста, в синем пиджаке с жёлтым платком, глядел на всех с видом открытым, общительным. Но Андрей в этих глазах увидел что-то ядовитое и злое.

— Морзеев Андрей Викторович, ваш тёзка.

И он протянул свою костлявую руку с жёлтыми пальцами и чёрным перстнем.

Это показалось очень странным: на перстне блестело что-то красное, но разглядеть было нельзя.

— Очень приятно, — сказал чуть испуганно Никифоров.

Обычно он встречался с клиентами — обычными людьми, — а с господами такого типа ещё общения не имел и вообще не понимал, почему его направили именно к ним.

Этот человек сел в центр и начал слушать рассказы остальных. Все обсуждали свои проекты: какие здания проектируют, сколько выручка в этом году. Но начали разносить закуски, за ними алкоголь в больших количествах, и беседа начала раскрываться. Одна женщина в синей кофте начала рассказывать про то, что некоторым нужно помочь деньгами в реализации проектов.

— А я деньги спокойно даю, и даже в очень больших количествах. — Глаза её светились каким-то интересом, при этом сама она была скрюченная и злая.

— Мне тут однажды кто-то сказал, что строить нужно на совесть. Какая у меня совесть? Главное, чтобы деньги были, — говорило уже красное и пьяное лицо.

Тут Андрей почувствовал какое-то странное смятение: пил он не так много, а эти, ещё о чём-то хорошем говорившие люди вдруг превратились в каких-то говорящих пороков.

— Так получается, только вы, Андрей, не берёте взятки? Андрей Владимирович, кажется?

— Да.

— И не даёте взятки на свои проекты?

— Никогда в жизни.

— Святой, что ли? — И с этим словом его лицо покрыла жёлтая страшная улыбка, оголив острые зубья. — А вот даже батюшка давал. Жирный, в рясе

чёрной. Он тогда ещё на машине дорогой ездил — видимо, где-то уже собрал. — И тут он искривил свой рот очередной раз улыбкой. — Так я этому батюшке дал сумму, а он, святой сребролюбец, всё инвестирует в недвижимость на морском берегу. К нему пришла одна: батюшка, нищие мы! А он ей: не стяжай, дочь моя, постись. А у самого живот до колен висит.

И он залился злым смехом.

— Вот как он Богу служит в церкви, а потом — серебру.

И он просыпал соль.

— Так я вот о чём сказать хотел, — сказал он теперь серьёзно. — Тут одна церквушка построить комплекс мне мешает. Она старая такая, покосившаяся.

Никифоров сразу вспомнил храм возле отеля.

Морзеев сидел в своём тёмном пиджаке в центре и, несмотря на свой низкий рост, словно возвышался над другими. Он с радостью наблюдал, как все напивались.

Сказав это, он просыпал солонку на скатерть; официанты тут же убрали её.

— Так вот, там один служит, старый чёрт. Покая мне не даёт, взятки не берёт, за своё добро держится, пёс. Я думаю его церковь снести к чёрту.

— Хорошее решение! — прокричала уже пьяная женщина в свитере.

Все высказались за, кричали и уже были готовы всеми силами помочь.

Но Никифоров сидел молча и был почему-то грустным. Хотя во всё это он не верил и вообще был довольно невосприимчив ко всем этим религиозным

вопросам, здесь было что-то личное: вроде бы и батюшку здешнего не знал, вроде бы не знал ситуации — но держал свой внутренний протест.

— А вы чего молчите? — сказал, изменив тон, обратившийся к нему Морзеев.

— Что же вам сделал этот священник? Ну стоит — и пускай себе стоит эта церковь, ведь есть там ещё место рядом на побережье. Я ведь сам там рядом живу.

— А, вы, похоже, имеете что-то личное с ним, с этим батюшкой; знаете уже его, может быть, заходили. Вот я вам удивляюсь: не зная вреда, вы что-то заявляете в этом вопросе. А зайдя туда, вы увидите, какое там зло и почему нужно снести.

— А давайте я зайду.

Тогда глаза Морзеева начали наливаться кровью, и он решительно и тихо сказал:

— А заходить туда не следует.

— Почему же это? Нет, вы меня не удержите: куда хочу, туда и хожу. Что это, дом ваш, что ли, чтоб вы за меня решали?

Тут он увидел, что против него ополчился весь стол: кто-то смотрел с ненавистью, кто-то с любопытством.

Но Морзеев вдруг, выдержав гнев, обратился к нему другим голосом:

— А действительно, я не имею никакого права вас держать.

И он уже мирно продолжил разговор. Про встречу с ним говорил начальник Никифорову при согласовании командировки, но он не говорил, что этот человек будет таким.

А гости уже начали расходиться.

— Давайте я вас в гости приглашу, — уже любезным голосом говорил Морзеев.

И делать было нечего: отказать неловко, да и был он целью командировки, можно сказать.

Когда они выходили, то увидели, что в ресторане играет живая музыка: сначала что-то из «Травиаты», застольная, потом ещё, а потом все забили в барабаны, зазвучала вердиевская *Dies irae*. Всё стало страшно нагнетать вечер, несмотря на то что было ещё только пять часов тридцать минут; всё сливалось в этом страхе. И почему они выбрали эту музыку? Что-то странное.

## IV

Они сели в чёрную дорожную машину с водителем и поехали куда-то по степным дорогам.

Андрей постоянно думал, что этот увезти может и в лес: похож на бандита, с водителем. Страшно это всё. Но, чёрт побери, ну если этот человек просто тот, с кем мне надо встретиться, почему я боюсь этого всего? Надо отринуть эту ерунду.

Они ехали по степным и просёлочным дорогам; вдруг спереди увидели, что посреди дороги стоит женщина. Внедорожник затормозил, подняв клуб песка.

Посреди дороги стояла женщина в голубой накидке и в красном платье; её голову обвивала зелёная косынка, на руках она держала младенца.

— Чертовка, чего встала?! — бешено закричал, открыв заднее стекло, Морзеев.

— Мне нужно доехать до больницы...

Не успел что-то возразить Никифоров, как окно закрылось, а машина бешено помчалась, оставив пыль. Андрей Владимирович долго смотрел на неё, но потом вдруг спросил с глубоким чувством досады:

— Почему вы не помогли ей?

— Ей-то? Да это ж местная сумасшедшая, Машка. Пошла она к чертям, её возить! С ума сбрендила. Её привезут — она врачей бьёт. Кто её знает, что ей надо; ещё и ребёнка где-то взяла.

От этих слов Андрею стала понятна вся душевная организация Морзеева.

Они доехали до роскошного особняка возле скалы с обрывом на бирюзовое море.

— Это мой дом, будь мне гостем. И, пожалуйста, забудь все свои обиды, я хочу тебе только добра. Ты мне друг. Я ведь вижу, какой ты добрый и щедрый человек, — сказал Морзеев. — Располагайся здесь.

По комнатам ходили табуны прислуги, которым втайне от гостя Андрей Викторович грубил: он знал, что тонкое сердце этого человека не простит такого.

По комнатам роскошного дома расхаживал павлин.

— Хочешь ли ты перо? — спросил Морзеев.

Не успев ответить, Андрей увидел, как Морзеев начал гоняться за птицей, щипая хвост, пока не выдернул перо. Оно переливалось на солнечном свете.

— Я не могу, оно ему больно досталось.

— Больно? Вся жизнь на боли устроена. Пока кто-то довольствуется, кому-то должно быть больно. Вот мясо ты ешь? Вкусное? А ведь коровку-то зарубили. И станет ли тебе невкусно от этих видов? Поэтому принимай всё таким, полученным больным путём.

Но перо так и осталось поставленным в вазу.

Тогда они пошли к лазурному берегу.

Подойдя к нему, стали видны скалы, лазурный с разлитой бирюзой залив и пена, которая приходила и уходила. Андрей Владимирович поплыл в этом заливе с бирюзовыми тихими волнами. Мечта его поплавать в море наконец-то осуществилась. И этот человек не казался ему уже таким страшным, — скорее, это было море, и оно, наверное, и расслабило его; а этот человек по-прежнему вызывал настороженность.

— Видишь, как я живу?

— Хорошо у вас, — теперь уже довольно уверенно ответил Андрей тёзке.

— А знаешь, как это всё? — Быстро перешёл на такой тон Морзеев. — Эти скалы, дом, море — и всем этим управляю я один. Эти людишки, как муравьи (на этом слове он опять ухмыльнулся), одни они меня обслуживают, а этих страшных толп из людей не видеть.

— Неужели у тебя нет никого, кто бы жил с тобой?

— Мне никто не нужен.

— Но неужели не бывает всё-таки скучно?

— Никогда. Уж лучше существовать без этих мерзких созданий вдалеке.

— Как же ты к этому пришёл? Ты, наверное, часами работал для этого, вытаскивал своё счастье.

— Нет. Просто я умел перейти ту грань, что не могли перейти люди...

— Как это?

— В том смысле, что я, как и ты, был обычным человеком, работал, завёл свою компанию, но деньги не шли...

— И что тогда?

— Я обманул... Очень сильно, одного человека, что привело к тому, что он абсолютно потерял свою фирму. Это было так привлекательно, когда обрушил я своего конкурента, честного, действовавшего по правилам давно. Но потом не мог остановиться. Мне ведь все завидуют, все хотят узнать — как? А я же и говорю: главное — перешагнуть ту грань, эту яму морали; ведь здесь, на этой земле, её нет. Хочешь жить хорошо — обманывай, подставляй, будь подлым, и тогда...

— Но я так не смогу.

— Тогда ничего не получишь. Поклонись духу накопительства, наживы, лёгких денег — и они придут к тебе. Понимаешь, я ведь хочу помочь тебе, хочу, чтобы у тебя всё получалось.

Это возмутило Никифорова своей лживостью, которая очень отчётливо ощущалась во всём, но он не стал спорить, осознавая бесполезность.

Они отправились домой.

На столе перед ним лежала стопка пятитысячных купюр. Никифоров сначала попятился, потом отвернулся: таких денег он не видел никогда.

— Это твои, — сказал с улыбкой Морзеев.

— За что? Я ведь просто в гости к тебе заехал.

— А как же твой дом? Ведь здесь ровно десять миллионов рублей, необходимых для погашения ипотеки.

Откуда он узнал про это? Пробежало что-то холодное по его спине.

Но на столе действительно лежала эта сумма.

— Я переведу тебе всю эту сумму на карту, и ты частями загасишь всё это.

— Откуда ты знаешь? — не выдержав, закричал Никифоров.

— А я, думаешь, просто так тебя сюда вёз?

Его лицо наполнилось жаром.

— Я же помочь тебе хочу, хочу, чтоб и ты мог стать свободным таким же. Ну не ловушка это, честное слово!

И тогда он подошёл к этой горе денег и стал перекидывать между собой стопки пятитысячных купюр.

Квартира в ипотеку, беспокойство, тревога из-за работы, эта зависимость... Но почему он узнал, кто сообщил? Нет, эти деньги не мои. Но всё же они так лежали. И все эти деньги — все в банк! И раз нет ипотеки... — пронеслось в его голове.

Он прошёл к ним, но что-то одёрнуло его.

— Я не смогу взять их, я того для вас не заслужил.

— Пожалуйста, свободу выбора никто не отменяет. Я отойду от них, но знайте, что вы можете не скреплять их обязательствами со мной.

Они сели обедать подле того стола, накрытого деньгами. Андрей то и дело оглядывался на этот стол; на него с улыбкой смотрел и Морзеев.

— Ладно, что мы всё о какой-то чепухе, про деньги, чёрт побери! Ведь сегодня же опера!

— Какая? — спросил Никифоров.

Он заинтересовался, почему этот незнакомец зовёт его туда, несмотря на то что едва его знает, а уже так расположен к нему.

— «Фауст» Гуно. Давайте туда поедем, заодно посмотрите наш старинный оперный театр. Центр красоты! Там продают лучшее шампанское, сам знаю.

— Хорошо, я не прочь.

И все они отправились по пустынной степной дороге.

## V

После смены кустов и прелестных видов морского берега выехали на дорогу, а затем, через долгую смену южного леса, прибыли в город.

И опять замелькали дорические колонны в центре; везде на гористой местности города размещалось какое-нибудь здание.

Но театр представлял собой огромную постройку с куполом не хуже собора Святого Петра в Риме.

Везде были знатные особы: кто в сверкающих нарядах, кто в строгих костюмах. Наряжались бабушки и дедушки, молодёжи же было очень мало.

Везде разливали дорогое шампанское.

И вот они сели на эти ряды, насквозь пропахшие цветочными духами.

Заиграла музыка; что-то долго играло и пело, но оживление наступило, когда появился Мефистофель.

Появилась фигура распятого Христа, возле него плясали, обезумев, люди. Весь пол был забросан монетами и купюрами. Кто-то вёз золотого тельца.

Вдруг выбежала маленькая красная фигура с рогами и бешеным лицом и начала прыгать по сцене. Он запел куплеты о золотом тельце, которому поклоняется весь род людской.

Тогда лицо Морзеева оживилось, и он уставил свои глаза на красную фигуру. Он смотрел на неё с восторгом и обожанием.

Мефистофель пел о том, как ради бога злата встаёт войной край на край и течёт по булату людская кровь. И на весь зал прогремело:

*Люди гибнут за металл!*

*Сатана там правит бал!*

На этих словах лицо его совсем разгорячилось. По окончании куплетов Морзеев кинул приготовленный букет, в котором светилось перо павлина, от которого отказался гость. При этом красное тело Мефистофеля радушно приняло дары. Ещё на момент аплодисментов Морзеев успел подмигнуть какой-то женщине. А это была та, что на вечере, в свитере.

Наконец он увидел его перстень: на нём был выкован идол с рогами.

Его просто скривило от этого ужаса; только усилием он пытался не выдавать отвращения.

Они вышли из театра.

— Я бы продолжил с вами банкет... — сказал было Морзеев.

— Извините, очень спешу...

— А, испугался. Ну и чёрт с тобой.

— А ты сам чёрт!

Фигура Морзеева осталась недвижима, а Никифоров отдалялся в только что вызванную машину такси.

Он уже ехал с водителем и думал, как хорошо ехать с обычным человеком, а не с этим вурдалаком. Он смог поговорить с этим старичком, который просто зарабатывал на свою жизнь копейки.

— Сдачи не надо.

— Да там у вас тысяча.

— Всё равно это вам, чтобы семью вашу прокормить.

— Спасибо тебе. Пусть Господь тебе укажет дорогу. Тогда он распрощался. Были уже сумерки.



## VI

Андрей уже подходил к своей гостинице, но в нём вызвала интерес эта церковь: почему он хочет её снести?

Но всё-таки надо в номер, надо выспаться. Но всё-таки...

Любопытство пересилило его, тем более что до церкви было рукой подать.

Выйдя за территорию отеля, он сразу же увидел ограду, за ней разрушенную колонну.

Уже белела церковь в вечере, на неё красиво падали тени. Она светилась и возвышалась, вся покосившаяся; фасад с фронтонами треснул, и купол тоже, — но всё-таки эта маленькая церквушка именно гордо стояла.

Подойдя к куполу, он услышал карканье. На золотом кресте сидел тяжёлый чёрный ворон.

И будто каркал:

— Уходи! Карр! Уходи!

Но Андрей решил зайти, услышав, что батюшка читает молитву.

На входе он встретил какого-то человека с чёрными как смоль волосами.

Тот проговорил нечеловеческим голосом:

— Пошёл вон! Убирайся! Козёл!

Люди, услышавшие это, ахнули; кто-то попытался его отругать, но было бесполезно. Человек скатился по ступенькам, будучи, видимо, пьяным.

Андрея очень напугало это, но он всё равно решил пройти, тем более что внутри было многолюдно, пахло ладаном и велась служба.

Внутри батюшка вёл богослужение и читал своим кротким голосом молитву.

Перед ним в набитой церкви стояла девушка в платке.

Её держали; сначала она стояла спокойно, но затем начала вырываться и кричать:

— Отпусти, тварь! Батюшка подлец! — вырвался нечеловеческий голос.

Это прервало службу, и люди все покосились на неё. Девушка вдруг схватила священника за бороду и начала её рвать. К ней подбежали, но она не слушала: что-то в ней бесновалось. Она схватила свечу с иконы и опалила бороду. Та начала гореть.

Но батюшка сделал помазание, и что-то отпустило её. А батюшка принялся тушить бороду.

— Сильно опалила, отец? — спросил его кто-то.

— Это не она, — сказал он тихо, — а бесы.

Тогда она уже низким голосом начала говорить ему:

— Вы меня простите.

— Это бес в тебе.

Тогда батюшка продолжил богослужение.

И вот уже старик начал орать и материться. Все опять обратились на него.

Батюшка начал делать помазание, а он кричал:

— Куда мажешь, старик! Не хочу я выходить!

После этого старик опять превратился в обычного, кроткого и поблагодарил батюшку.

Богослужение закончилось, и все разошлись, только батюшка сказал ему:

— Иди за мной, сын мой.

Андрей, напуганный этим, но несколько не смущённый, пошёл за ним.

— Так вы, батюшка, бесов выгоняете?

— Людей лечу я. Что не лечит медицина, всё дух вылечит. Я ведь тоже больной совсем был, а ведь вылечился.

Тут он, недолго думая, подошёл к воротам церкви и запер их. Это насторожило Андрея. В церкви уже действительно не было никого.

— Но позвал я тебя не за этим. Дело в том, что церковь эту хотят снести и на месте её построить постройку другую. Знаю я о том, что ты повстречался с одним нехорошим человеком. Но ты свет в тебе смог сохранить. Поэтому оно тебя и не взяло.

Эти слова уже не удивляли его после увиденного.

— Так что я должен сделать?

— Дело в том, что сегодня в Римском лесу случится страшное, а ты мне можешь помочь. Нужно всего лишь поддержать свечу, когда буду читать молитву.

— Но как это может помочь?

— Уверяю тебя: пока не знаешь всего замысла Божьего до конца, не поймёшь. Умом не пробуй понять этого, потому что иногда им могут управлять.

Андрей всматривался в этого старца и понимал, что, наверное, этот Морзеев ненавидел его за такую доброту и открытость.

— Тогда тебе нужно лишь взять обычную восковую свечу. Эту.

И старик передал ему в руки длинную белую свечу, толстую, размером с ладонь.

— Ей-то и подсветишь всё.

— Что же мне с ней надо сделать?

— Главное, возьми её и подходи с ней к береговой линии. Ты пойдёшь по ней, и, когда увидишь, что она примыкает к Римскому лесу, там и буду сидеть я.

Тогда он перекрестил его и отпустил.

— Помни, — сказал он, — выйдешь, как наступит полночь.

## VII

Андрей шёл по лесной тропинке обратно в отель. После тёмной церкви со старинными образами его озарила белизна отеля; там, на первом этаже, играл кто-то на рояле. А Андрей тем временем видел, как какого-то бушующего человека в наручниках увозит полиция. Кто-то проронил слово: затмение.

И вся эта троица соединилась в его сознании.

Преодолев это смятение, он уже поднимался на свой восьмой этаж. Андрей Владимирович зашёл в свою комнату.

Уже в десять часов вылет. Нужно спать, а не заниматься этой ерундой. Этот старик со своей свечкой. И сдалась она ему? Ну ладно он, но я-то ему?

Вдруг ему вспомнились слова старца о том, что не стоит думать о смысле. И всё встало на свои места.

Нет, я помогу этому старцу — чем могу справлюсь с этим подлецом... Он уже ненавидел его мысленно и всеми силами желал это выразить.

Между тем было уже десять часов вечера, и ему захотелось есть. Спустившись на четвёртый этаж, он вошёл в ресторанчик в гостинице. Там он заказал какое-то блюдо из телятины и брусники, но, как только его принесли, вспомнил слова Морзеева.

Чёрт побери, а ведь правду он говорил...

Но затем, доев это, пересилив мысль, он заказал другое и, уже отвлёкшись, услышал голос:

— Вам записка.

Сказал официант и передал свёрток.

На маленьком клочке бумаги было написано: «Не ходи сегодня никуда».

От такой неожиданности у него выпала вилка. Он и вправду подумал не идти никуда, но всё-таки, доев ужин, решил всё обдумать в номере.

## VIII

Было одиннадцать часов, всё погрузилось в полный мрак. И в церкви горело лишь одно окошко: видимо, батюшка уже приготавливался в какой-то комнате.

Всё-таки надо ли идти? Очень уж страшно. Андрей поглядел на часы, потом на дверь; вроде бы ничего не двигалось. Раз уж решил, надо идти, но эта записка пугала его. Он не решался пойти, ноги словно отнялись.

А может, и не нужна эта свеча? К чёрту этого священника, пусть сам он решит свои трудности. И он включил телевизор. Но там показывали новости: как оказалось, актёр, сыгравший Мефистофеля, умер после спектакля; причина неизвестна.

Андрей ледяным пальцем выключил телевизор, и всё поникло во мраке. На столе лежала свеча.

— Нет, если решился я, значит, нужно это дело до конца вести. Как же я могу спокойно переносить, когда этот человек творит столько пакостей? А батюшка ведь с ним ведёт борьбу, а я ему помогу.

Он наскоро оделся, увидел часы: двадцать три пятьдесят. Оставалось ещё десять минут.

Андрей прошёл на балкон, где в пепельнице лежал спичечный коробок; он схватил его в темноте тёплой ночи и, постояв немного у двери, вышел.

Тёмную спальню сменил освещённый первый этаж гостиницы — и опять ночь.

## IX

Сразу же за территорией гостиницы нужно было повернуть налево, и, пройдя немного назад, уже открывалось морское побережье.

Морская пучина в темноте плескалась, и там будто монстр выставлял свои клешни. Синее чудовище приходило всё ближе.

При этом светился лунный диск. И воду освещала лунная дорожка. Тут Андрей вспомнил слова жены. Затмение: оно случится через четыре минуты, ровно в ноль часов десять минут.

И Андрей уже шёл по берегу всё влево и влево. По сторонам, в ресторанчиках, собирались толпы туристов, но на берегу было тихо и свежо от бриза.

Лунный диск будто блеснул в небе; его начала пожирать находящая тень и всё съедала больше — стало совсем темно. Так что Андрей сел на землю; тут же начались овации с кафе, аплодисменты, кричали уже довольно пьяные люди.

А Никифоров заходил всё дальше и дальше, где кафешек уже не было, а вдали виднелась лишь одна, залитая музыкой. Там раздавалась «Гимнопедия № 1» Сати.

Впереди себя он увидел какого-то странного и лысого человека, в одних чёрных штанах, мокрого — видимо, после купания.

Он бешено вытаращил свои чёрные глаза. Когда он подошёл, можно было увидеть его телосложение скелета и беззубый рот; тело его было загорелым полностью.

Он искривил свой беззубый рот и обращался к Андрею.

Человек был глухонемым и только хотел что-то промычать, но выходило лишь:

— Угу-гу-гу-гу-а...

И тут он указал пальцем на лес и сел на землю. Его глаза были залиты лунным светом, сам он светился от безумия.

Он указал своим костлявым пальцем на Андрея.

— К сожалению, у меня ничего нет.

Но тот продолжал мычать.

Тогда налетел ветерок, и он встал на колени и перекрестился в сторону ветра. Так он и упал.

Что делать-то, Господи? Идти-то? Что же это с ним? Но вроде бы встал.

И старик действительно встал.

Надо идти отсюда, совсем не буду уж останавливаться.

Андрей шёл ещё довольно долго; он сверял направление, вспоминал слова старца, проверяя, в том ли направлении идти.

Но тут он увидел, что совсем близко находится последний ресторан, из которого играла «Гимнопедия».

На берегу стояла женщина.

Он хотел было спросить:

— Девушка, скоро ли до Римского леса? — как она обратила на него свои безумные голубые глаза.

На ней было белое, как будто свадебное платье, и до головы свисали уже мокрые от воды волосы.

— Подержи, — сказала она Андрею и вручила ему в руки нож.

Сама она пошла в воду.

Там её тело обрушилось, и она, вся барахтаясь, начала смеяться. Спасать её было не нужно: всё лицо её показывалось возле берега, утонуть так нельзя.

Она обратила свои белые зубы к нему и начала несвязно говорить разные слова на каком-то языке, а потом выть, как волк.

Андрей от греха закопал кинжал в песок так, чтобы девушка не могла им зарезаться, и побежал.

Там-то и начали пропадать люди и кафе.

Пляж стал совсем диким.

К нему примыкала лесная чаща.

Но где же старик? Где он ждёт меня? Обманул? Надо воротить назад? Вот же, чёрт побери, завёл меня, а теперь ведь ещё отсюда километра три идти с этими дикарями.

Но тут же он увидел чёрную мантию и крест.

На берегу сидел с длинной бородой иеромонах Власий.

— Подойди ко мне, — сказал он чуть ли не шёпотом.

Он подошёл и увидел у него книжку, всю старую, как церковь, откуда он.

— Взял ли ты свечку?

— Вот она, и спички со мной.

— Тогда пошли.

## Х

Они повернули чуть выше линии моря и вошли в этот сказочный лес. В нём совсем не было хвойных деревьев, росли лишь дубы, грабы, каштаны.

Лес этот назывался Римским, ведь тут, по преданию, охотились римские legionеры, когда эта земля, плодородная, принадлежала Римской империи.

Андрей, хочется признаться, никогда не ходил ночью по лесам, особенно таких широт. Тайга была на это совсем не похожа.

Тут Власий остановился. Где-то близко раздавался шум. Там, из-за кустов, он увидел то, чему не мог поверить.

В центре горел огонь, возле него сидел человек, весь окрашенный в красное, как из той оперы. Возле него бегали какие-то женщины и выкрикивали заклинания. В голове его раздалась музыка из арии Мефистофеля, она разрывала его уши. Он не мог поверить, что то, что он видит глазами, возможно.

Эти женщины кружились в хороводе и кричали, как сумасшедшие. В центре лежало тело козла.

Все они перепугались. И Власию тоже было страшно, но он прошептал Андрею:

— Зажигай свечу.

— Увидят.

— Нет, ты ближе к кусту зажигай.

Он тихо чиркнул спичкой, и свеча загорелась.

Тогда Власий начал читать молитву очень спешно, но вот он читал уже увереннее.

Тут шабаш остановился. Но Власий этого не замечал: он был повёрнут ко всему спиной.

Тогда Андрей спрятался в кусты, а Власий, уже не видя ничего, в экстазе начал читать всё наизусть.

Тогда участников шабаша начало выворачивать, крики стали истошными; это были крики женщин, все они упали на землю, одна угодила в костёр.

Из куста Андрей увидел, что это была та самая женщина в свитере.

Но Власий совершенно не заметил, как к нему подбирается фигура этого рогатого.

Вот оно, кольцо, эти глаза — это же Морзеев!

В руке он держал длинный кинжал и уже замахивался на Власия, который был погружён в молитву.

Тогда Андрей нашёл рядом с собой огромный камень и быстрее из кустов побежал к Власию.

Лицо старика светилось в молитве, а над ним висел огромный клинок, готовый вмиг отрезать ему голову. Но мигом налетел Андрей — и со всего маху ударил камнем Морзеева, раскроив ему голову.

Ручеёк из головы хлынул, залил землю, как густым соком.

Андрей в ужасе взглянул на землю; руки его затряслись, а камень упал наземь.

Тогда Власий испугался, повернувшись назад, и тихо вскрикнул.

— Что же ты наделал? — спросил он.

— Он хотел убить тебя.

— А может быть, мне нужно было уйти.

— А может быть, Бог спас тебя?

— Спасибо тебе, — придя в себя, заявил Власий.

— Но что делать с ним? — спросил Андрей.

На земле лежало красное тело с раскроенным черепом.

Вот вляпался, подумал Андрей, теперь отсюда ещё не выеду.

Но всё же что-то его удовлетворило, несмотря на всю гадость. И одновременно ужасало. Он почувствовал себя в гадком сне, из которого невозможно выбраться.

— Дело в том, — сказал старик, отойдя наконец от испуга, — что я ведь всё про него знал. Он свой шабаш проводил, чтобы тебя со мной убить; в церкви нас хотел с тобой выловить.

— А кто организовал все эти записки и прочее? — сказал дрожащим голосом Андрей.

— Человек этот был непростой, и ты сам сейчас видишь. Так что ему лишь не позволила запертая дверь совершить злодеяние, а кинжал этот был для нас с тобой. Но теперь и ладно, оставь меня здесь. Не твоё это дело, у тебя и семья есть, не твоё это.

— Но как же ты, батюшка?

— Я уж придумаю.

И так они распрощались.

Андрей всё не мог отойти от увиденного. На его ладонях не было крови, но что-то оставалось в нём. Убил? Или расшиб? А что с остальными?

## XI

На следующее утро был вылет. Всё проходило благополучно, и его никто не задержал. Он прилетел домой и был встречен. Но что-то не давало ему покоя.

— Пришла новость о том, что крупное лицо пропало без вести, — сказала жена. — Слышал?

— Да вроде бы.

— Ты же встречался с ним?

— Но всё-таки я понятия не имею, где он и что с ним. Видел его лишь на обеде, заезжал домой после.

— Пропал без вести.

Неужели, подумал Андрей. Значит, старик спрятал тело? Или его ещё не смогли найти. Почему? Даже если найдут, то он будет с рогами красными, при нём кинжал.

Прошло ещё несколько дней в ожидании.

Ему позвонил начальник:

— Андрей, тебе премия. Два с половиной миллиона.

Был долгий разговор и благодарность от него.

Деньги, конечно же, ушли на погашение ипотеки. Но что-то в нём таилось и ждало. А если всё-таки убил? Что я скажу детям? Как я могу воспитывать детей — убийца? Он зарыдал и в отчаянии своём не знал покоя.

Раздался стук в дверь.

За ней стоял священник в чёрной мантии, с крестом.

— Отец Власий говорил, вы здесь живёте, — сказал добрый и покорный голос.

Андрей узнал этот голос и кудрявое лицо — с глубоким теперь шрамом на голове. Но глаза совершенно изменились.

— Проходите, — сказал с радостью Андрей.

Это был не кто иной, как Морзеев...